

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ РОССИИ В ПЕРИОД ГОЛОДА 1932–1933 гг.: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Н. Н. Назаренко¹, Н. В. Коршунова¹, А. В. Башкин²

¹Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Российская Федерация

²Проект «Исторические материалы», г. Москва, Российская Федерация

Статья посвящена историографическому анализу особенностей демографических процессов в Центрально-Черноземной области Советского Союза в период голода 1932–1933 гг. Выбор объекта обусловлен тем, что демографические процессы этого региона представляют особый интерес, поскольку это был один из ведущих зернопроизводящих районов России. В современной российской историографии его относят к наиболее пострадавшим.

Научное изучение указанной темы началось в постсоветский период, так как долгое время она была под запретом. Вопросы демографии и голода 30-х гг. в Центральном Черноземье рассматривались как в общероссийских, так и региональных работах отечественных исследователей, имеющих характер фактологических исследований. Рассмотрены работы зарубежных исследователей, прежде всего американских, украинских и американо-украинских.

Показано, что авторы исследований подсчитывали количество голодающих, умерших от голода, рождаемость и смертность населения разными методами, преимущественно по предварительным оценочным данным и сводным отчетам ЦУНХУ СССР, результаты оценок не всегда согласуются между собой и вызывают вопросы. Публикации украинских историков достаточно сложно анализировать, настолько они изобилуют оценочными суждениями, далекими от научной этики, либо используют не вполне корректные демографические модели.

Установлено, что демография голода 1932–1933 гг. в Центральном Черноземье рассмотрена в первом приближении и только на уровне крупных административно-территориальных единиц, а география голода имеет разночтения и до конца не прояснена. Детально не рассмотрен вопрос городской и порайонной рождаемости, смертности и естественной убыли населения, крайне политизирован и не до конца прояснен вопрос этнической компоненты голода российского Центрального Черноземья.

Ключевые слова: голод 1932–1933 гг., рождаемость, смертность, естественное движение населения, динамика демографических показателей, демографические потери, Центрально-Черноземная область.

Введение

Центрально-Черноземная область (ЦЧО) РСФСР была образована в 1928 г. и просуществовала до 1934 г., когда была разделена на Курскую и Воронежскую области. В настоящий момент эта территория охватывает Курскую, Белгородскую, Воронежскую, Тамбовскую области, большую часть Липецкой и юг Орловской области. Демографические процессы, шедшие на данной территории в период голода 1932–1933 гг., представляют особый интерес, поскольку это был один из ведущих зернопроизводящих районов России [1, с. 50, 67, 106], который в современной российской историографии относят к наиболее пострадавшим от голода. В самых первых исследованиях по демографии СССР 1990-х гг. указывается, что Центрально-Черноземный район (Воронежская и Курская области) характеризовался в 1933 г. отрицательным естественным приростом населения [2, с. 47].

С учетом остроты вопросов демографии в условиях голода в 1932–1933 гг. интерес представляет не только фактическая сторона данного вопроса, но и его освещение в литературе. Это

отражает как направление государственной политики, так и формирование общественного мнения по данному вопросу.

Обзор литературы

Существующие историографические работы по теме исследования [3–7] в подавляющем большинстве носят спорный характер. По указанным территориям актуальные работы по демографии голода немногочисленны: изучение проблематики голода в 30-х гг. XX в. оказалась крайне политизированно. Эта тема и сейчас является таковой, в том числе она оказалась предметом различного рода фальсификаций и псевдоисторических заявлений [8].

Методы исследования

В статье использованы общенаучные методы историзма, научного сравнения, анализа и синтеза, а также метод типологизации. С учетом специфики материала использованы элементы демографо-статистических методов исследования.

Результаты и дискуссия

В числе первых на отрицательный естественный прирост населения Центрального Черноземья России указала Е. А. Осокина. Она отметила убыль

городского населения ЦЧО в 23,1 тыс. человек, сельского – в 39,2 тыс. человек на основании отчетных данных Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) о естественном движении населения СССР за 1933 г. [9, с. 19–20]. По мнению Е. А. Осокиной, регион в РСФСР оказался на четвертом месте в стране по убыли городского населения (убыль составила 1,9 %) [9, с. 20].

В монографии «Население России в XX веке» был описан «разразившийся голодомор 1932–1933 г.», охвативший Тамбовщину [10, с. 266], а также указан рост смертности в результате голода в Курской и Воронежской областях и отрицательный естественный прирост в городах этих областей в 1934 г. [10, с. 268]. Историк Н. А. Ивницкий писал, что в ЦЧО голод охватил в основном южные районы: Валуйский, Уразовский, Вейделевский, Волоковский, Ровеньский, Россошанский, Никитовский, Буденновский, Алексеевский и Богучарский, особо острым он был весной 1933 г. [11, с. 229]. Всего, по его оценкам, от голода и «сопровождающих его болезней» (без пояснения каких) умерло около 200 тыс. человек [11, с. 230].

С. А. Нефедов, указал, что основная часть Центрально-Черноземного района оказалась в очаге демографической катастрофы [12, с. 61–62] и привел оценку числа умерших, данную П. В. Загоровским, – 195 тыс. человек [13, с. 50], и свою – на основе данных Р. Дэвиса и С. Уиткрофта и «нормы» как среднего числа умерших в 1930–1931 гг.: 142 тыс. человек (1,4 % населения) [12, с. 66; 13, с. 47; 14, с. 270].

Общепризнанный специалист по данному вопросу В. В. Кондрашин описывал голодное бедствие и массовую смертность от голода в ЦЧО [6, с. 310; 15, с. 118]. Ссылаясь на сообщения К. С. Дроздова, в качестве эпицентра голода в ЦЧО он указал пшеничные районы с преобладающим украинским населением [16, с. 19]. В другой работе В. В. Кондрашина эпицентром голода названы Борисовский, Уразовский, Валуйский Вейделевский, Никитовский, Березовский и Верхне-Михайловский районы как наиболее пострадавшие от хлебозаготовок, но без указания этнической характеристики населения [1, с. 175]. Автор отметил, что голод в регионе, в том числе в городах, начался в марте и продолжался до июля 1933 г. [1, с. 175–176]. Всего для ЦЧО со ссылкой на П. В. Загоровского приводятся следующие цифры: 241 тыс. прямых потерь от голода и около 400 тыс. потерь от «недороды» и стихийной миграции – всего около 600–650 тыс. человек [17, с. 191; 18, с. 325]. Другая оценка потерь приводится в соответствии с данными сельскохозяйственного налога: с 1 января 1933 г. по 1 января 1935 г. численность сельского населения Курской области сократилась на 13 %, а Воронежской – на 11 % [1, с. 285]. Отметим, что начальник сектора населения и здравоохранения ЦУНХУ С. Каплун при подготовке материалов по итогам

естественного движения населения СССР в 1933 г. писал, что данные налогового учета не обеспечивают полноты охвата населения, а также отражают результаты миграции, и напрямую не могут быть использованы для демографических оценок [19, л. 285].

Историк В. Б. Жиромская отмечала, что голод охватил значительную часть ЦЧО. Особо пострадало население Курской области [20, с. 95]. В более позднем исследовании автора убыль населения из-за смертности от голода отмечена не только в Курской, но и в Орловской и Воронежской областях (без указания на то, в границах какого года) [21, с. 651]. По ее подсчетам, население Курской области сократилось на 8 %, Воронежской – на 4 %, а смертность в Курской области составляла 33 % сельского населения и 44 % – городского [20, с. 96]. В дальнейшем рассчитанная В. Б. Жиромской смертность немного другая, но приведена в процентах – 30,3 и 42,8 % [21, с. 653]. Указание размерности в процентах (возможно из-за технической ошибки) привело к искусственному завышению смертности в 10 раз¹. Также автором отмечен отрицательный естественный прирост населения в 1934 г. городов Воронежской области (-2,4 %) [20, с. 97]. Еще одна оценка потерь населения В. Б. Жиромской дается по убыли населения между переписями населения 1926 и 1937 гг. Для сел Курской области убыль составила 17,6 %, а Воронежской – 10,4 % [20, с. 99]. Автор отметила, что эту убыль нельзя объяснить миграцией сельского населения в города в связи с бурным ростом строительства промышленных объектов, поскольку часть промышленных объектов строилась не в городской черте, где и размещались строители и промышленные рабочие [21, с. 652]. Отметим, что размещение не в городской черте не означает, что строители не фиксировались как жители городов (рабочих поселков), а выезд из села всегда фиксировался как миграция из сельской местности. Кроме того, высокие темпы миграции в города были и после голода [12, с. 65; 13, с. 49].

Анализируя миграционные потоки из Центрального Черноземья, исследователь С. А. Нефедов связал их с аграрным перенаселением, отсут-

¹ Мы анализируем понятия смертности и рождаемости. Для сравнения используют относительные показатели: чаще всего это относительная смертность (рождаемость). Она рассчитывается как число умерших (родившихся) за календарный год, деленное на численность населения данной территории. Для удобства сравнения величин для разных территорий десятичную дробь относят (умножают) либо к 100 и получают относительную смертность в процентах, либо к 1000 и получают промилле. Если при населении 1000 человек родилось 10 детей, то абсолютная рождаемость будет 10, относительная – 10/1000 = 0,01, в процентах это 1, а в промилле 10. В демографических исследованиях приняты именно промилле, поскольку они удобнее при низких абсолютных величинах и высокой численности населения. Величина одна и та же – показатель рождаемости (смертности), деленный на общее население, а вот выражение этой величины разное, что приводит к ошибкам или порой к сознательному искажению исторических фактов.

ствием промышленных центров и аграрной спецификой региона [12, с. 66–67]. По его данным, выезд из ЦЧО в 1936 г. более чем в два раза превышает оценки смертности от голода. С этими оценками сопоставима и ежегодная официальная миграция после 1933 г., которая могла быть и выше официальной [12, с. 66; 13, с. 50; 22, с. 14, 21]. Появление в первые пятилетки громадного количества рабочих мест вне сельского хозяйства и за пределами региона породило массовый отток молодежи из сел [23]. Безусловно, трагедия 1932–1933 гг. усилила миграцию, однако необходимо отличать потери от голода и убыль от миграции по социально-экономическим причинам. Именно социально-экономические причины, а не голод 1932–1933 гг. обусловили значительный отток сельского населения из ЦЧО в другие регионы СССР, падение рождаемости и убыль населения, которую зафиксировали в переписи населения 1937 г. по сравнению с ранее проведенной в 1926 г.

Зарубежные исследователи Р. Дэвис и С. Уиткрофт в своей работе привели отчетные данные ЦУНХУ СССР, согласно которым в ЦЧО в 1932 г. родилось 391556 (36,7 %) человек, а умерло 204328 (19,2 %) человек, а в 1933 г. – 299083 (28,3 %) и 361389 (34,1 %) человек, соответственно [24]. Они указали, что в ЦЧО смертность в сельской местности к июлю 1933 г. в 4 раза превышала «норму» (которая авторами не указывается, но дается ссылка на 3 тома работы «Трагедия советской деревни» и монографию П. В. Загородского) [25, с. 417]. Авторы, со ссылкой на справки ОГПУ, отметили факты недоедания, опухания и смертей от голода в отдельных деревнях в 1934 г. [25, с. 418]. Рассчитанная ими «сверхсмертность» в ЦЧО в 1933 г. составила 0,13 млн человек, а всего за период голода 1932–1933 гг. – 0,1 млн человек (в 1932 г. по их расчетам был прирост в 0,03 млн) [25, с. 422]. С. Уиткрофт отметил, что в Центральном Черноземье в период голода наблюдался широкий и относительно высокий пик смертности в городах (70 на тыс.), который был аналогичен смертности сельского населения (75 на тыс.), но длился меньше по времени [26, с. 752].

Наличие в российском Центральном Черноземье украинских национальных районов обусловило интерес к региону со стороны украинских историков. Однако их работы, например, статью Ю. Брызгунова, сложно анализировать, настолько она изобилует оценочными суждениями и формулировками, далекими от научной этики [27]. По сути вопроса Ю. Брызгунов указывает, что пик смертности в Курском и Белгородском регионах пришелся на середину 1933 г., голод был и в 1934 г. Несмотря на оговорку, что от голода пострадали и другие национальности, в частности русские [27, с. 130], Ю. Брызгунов напрямую связывал голод с отменой украинизации в ЦЧО и украинофобией «северо-восточной соседки» и писал о геноциде

украинской нации в РСФСР [26, с. 136–139]. Фактически единственным аргументом «геноцида» является то, что наиболее пострадали южные и юго-западные районы (особенно современной Белгородской области), где проживали потомки казаков-переселенцев и этнические украинцы [27, с. 128, 130, 132].

Этот подход нашел поддержку у некоторых российских исследователей. В. В. Бубликов и В. В. Маркова писали, что основной причиной «деукраинизации» Белгородского края послужил голод 1932–1933 гг., «...получивший в украинской историографии название Голодомор» [28, с. 54]. Виновным в «деукраинизации голодом» они называли советское руководство, которое, снизив план хлебозаготовок в целом в ЦЧО, для половины южных украинских районов его увеличила [28, с. 55]. Данные о плане хлебозаготовок авторами взяты из работы К. С. Дроздова, который писал, что в большинстве «русских» районов севера ЦЧО планы хлебозаготовок были уменьшены, а в 27 из 52 южных «украинских» районов – увеличены [29, с. 33]. Еще в качестве аргумента «голода-геноцида украинцев» в ЦЧО В. В. Бубликов отметил, что в период между переписями населения 1926 и 1939 гг. численность украинцев в регионе сократилась в 4 раза при росте числа русских в 1,4 раза [29, с. 32; 30, с. 39].

На основе расчетов П. В. Загородского В. В. Бубликов писал, что прямые потери населения Белгородской области от голода были не менее 100 тыс. человек [29, с. 33]. Но, считая эти расчеты заниженными, предложил свою оценку естественной убыли населения ЦЧО с 1 января 1933 г. «по середину 1934 г.» как 1179,8 тыс. человек, где округленно прямые потери от голода составили около 900–1000 тыс. человек и еще 200–300 человек потерь из-за снижения рождаемости и других причин [29, с. 33–34]. Потери Белгородской области, по его мнению, составили 300–350 тыс. человек прямых потерь от голода, из которых «не менее 2/3 составили этнические украинцы» [29, с. 36].

Еще в 1995 г. на семинаре по демографии населения СССР 20–30-х гг. XX в. в университете Торонто (Канада) указывалась некорректность использования в оценках потерь от голода данных об изменении этнического состава между переписями населения 1926, 1937 и 1939 гг., поскольку в переписях использовались разные подходы для национальной самоидентификации и, соответственно, разные формулировки вопроса [31, с. 140]. В. Б. Жиромская отметила, что в городах Воронежской и Курской областей в 1934 г. наблюдалась убыль русского, немецкого и еврейского населения, а число украинцев увеличилось [20, с. 98], что указывает на миграционные потоки этнических украинцев из сел в города.

Этнические вопросы голода рассмотрены и в публикации американско-украинской группы

историков и демографов, полагающих национальность возможным ключевым фактором («nationality may be a key factor») голодных 1932–1933 гг. в РСФСР [32, р. 1]. Однако они не выделяли ЦЧО или иные регионы с украинскими национальными районами в качестве отдельного «субрегиона» (как, например, «Krasnodar kraj») для обоснования национального фактора этого явления. Критика методики, используемой этой группой, нами была представлена ранее [33, с. 190–191]. Здесь отметим, что ЦЧО авторы отнесли к третьей группе российских регионов по потерям от голода в 1932–1934 гг. (38,4 %) [32, р. 6, 7, см. Fig. 2]. Было указано, что смертность от голода в регионах не коррелирует с хлебозаготовками [32, р. 10], но в анализе «фактора национальности» приводится аргумент повышения плана хлебозаготовок в 27 из 52 «украинизированных» районов ЦЧО по сравнению с северными районами [32, р. 15]. Фактически же ситуация с голодом украинцев в ЦЧО в статье лишь упоминается, поскольку она, по данным самих же авторов, не вписывается в теорию «ключевого фактора национальности».

Таким образом, в большинстве рассмотренных работ общероссийского масштаба, где рассматривается Центральное Черноземье, а также работ зарубежных исследователей и тех, кто рассматривает «голодомор» в ЦЧО, часто приводятся оценки, выполненные еще в 1990-е гг. П. В. Загоровским и К. С. Дроздовым.

П. В. Загоровский [34] писал, что рост смертности на селе начался в марте 1933 г., а следующие скачки были в мае и июне с пиком в июле и общим ростом на 262 %, с августа смертность быстро снижается. Особенно пострадали юго-западные районы ЦЧО, но в западных районах смертность была лишь немногим меньше, голодные смерти фиксировались в восточных и северных районах. Наиболее пострадали районы: Белгородский, Беловский, Больше-Троицкий, Борисовский, Вейделевский, Велико-Михайловский, Весело-Лопанский, Грайворонский, Никитовский, Ракитнянский, Ровеньский, Старо-Оскольский, Уразовский, Чернянский, Шаталовский, Шебекинский (современная Белгородская область); Земетчинский (Тамбовская); Ново-Калитвянский (Воронежская), Становлянский (Липецкая). Указывается, что голод был и зимой 1933–1934 гг., когда наиболее сильно пострадали юго-западные и южные районы ЦЧО. Однако смертность не была такой высокой, как в 1933 г. Также весной 1933 г. голод пришел в города с точно такими же пиками и общим ростом на 158 %. Рост умерших в городах был за счет истощенных переселенцев из сельской местности. Рождаемость в 1933 г. упала на 18,5 % по сравнению с 1932 г., убыль населения в 1933 г. составила 81 тыс. человек, а прямые потери от голода – 195 тыс. человек. К ним прибавляются 45,8 тыс. падения рождаемости, получая 241 тыс.

потерь от голода или 2 % населения ЦЧО. Никакой этнической компоненты или геноцида украинцев голодом П. В. Загоровский не упоминает. Проблема заключается в том, что использованные им данные (табл. 4, схема 4 и 5 монографии [34]) по ЦЧО за 1933 и 1934 гг. – оценочные и использованы ЦУНХУ по конъюнктурным отчетам [35, л. 15; 36].

К. С. Дроздов, упоминая работу Ю. Брызгунова, указал на достаточно низкую объективность и научную ценность украинских исследований, основанных на искусственном противопоставлении Москвы и Киева, а также на однобоком представлении советской украинской национальной политики как обмана и провокации большевиков для ликвидации украинского национального движения [36, с. 8]. Высокая смертность в регионах компактного проживания украинцев, по его мнению, не имела ничего общего с геноцидом. Причина в том, что это был наиболее экономически развитый регион товарного производства зерна ЦЧО, где прошла наиболее активная и массовая коллективизация. Именно поэтому в части районов (27 из 52) были увеличены планы хлебозаготовок [36, с. 26; 37, с. 309]. Никакого геноцида в 1933 г. в ЦЧО К. С. Дроздов не отмечал [37, с. 325–326], а сворачивание политики украинизации связывается с недопущением развала колхозов и срыва хлебозаготовок в зерновых районах РСФСР, граничивших с Украиной [36, с. 29; 37, с. 326–332]. Фактически это ответ и В. В. Бубликову, который, упоминая данные К. С. Дроздова в подтверждение своего мнения «голодомора украинцев», не указывает аргументы из этих же работ, противоречащие его мнению. Оценка числа потерь от голода К. С. Дроздовым принята по расчетам П. В. Загоровского (195 тыс. прямых и 46 тыс. «не родившихся детей»), но в ареал голода он предлагает включить и южные районы ЦЧО [37, с. 326, 338].

Рассматривая этническую составляющую голода в ЦЧО необходимо отметить, что С. Уиткрофт с соавторами, анализируя смертность на районном уровне, писал, что по границе между Харьковской (УССР) и Курской (РСФСР) области нет резкого разрыва в смертности на уровне районов [38, с. 220]. Можно отметить достаточно случайное распределение смертности в приграничных районах на составленной им карте. Кроме того, на ней нет привязки по национальности [38, с. 225].

Из региональных исследований следует отметить работу Е. А. Высотиной, которая писала, что кризис 1933 г. отразился на рождаемости. Она упала с конца 1933 г. и в 1934 г. на 132 тыс. человек, а голод 1933 г. привел к росту смертности до 400 тыс. человек за год, высокая смертность была и в 1934 г. [22, с. 16–17]. При этом в ЦЧО можно было наблюдать отличную от других регионов миграцию населения, когда в 1933 г. произо-

шел спад переезда в города региона. Одновременно жители ЦЧО устремились в города других регионов [22, с. 14]. Оценок потерь от голода и указаний на «геноцид голодом» автором не приводил.

Региональные особенности голода отмечались на Тамбовщине. Единичные случаи смерти от истощения были весной 1932 г., число их возросло к июню 1932 г., когда в Тамбовском районе умирало 2 человека в день от истощения [39, с. 186], а пик голода был зимой 1932–1933 гг., к весне голод начал спадать [39, с. 188]. Оценки потерь от голода не даны в силу того, что «...абсолютно точно вычислить количество умерших от голода и его последствий не представляется возможным» [39, с. 189].

Выводы

Таким образом, вопрос естественного движения населения ЦЧО в период голода 1932–1933 гг. в монографических исследованиях и статьях общероссийского масштаба опирается преимущественно на положения, сформулированные в публикациях еще начала 1990-х гг. XX в., и на оценки 1990-х гг., выполненные П. В. Загоровским. Сами расчеты потерь от голода зачастую даны по предварительным оценочным данным и сводным отчетам ЦУНХУ СССР, которые не всегда согласуются между собой и вызывают дополнительные вопросы.

Демография голода 1932–33 гг. в Центральном Черноземье рассмотрена в первом приближении и только на уровне крупных административно-территориальных единиц, а география голода имеет разночтения и до конца не прояснена, несмотря на имеющийся порайонный картографический анализ смертности.

Детально не рассмотрен вопрос городской и порайонной рождаемости и естественной убыли населения ЦЧО.

Наконец, крайне политизирован и не до конца прояснен вопрос этнической компоненты голода российского Центрального Черноземья. Большинство исследователей рассматривает эту проблему в парадигме «голодомора-геноцида» и при этом использует однобокую аргументацию, зачастую игнорируя данные и аргументы, противоречащие их представлениям и взглядам.

Таким образом, необходима оценка демографических процессов (естественного движения населения, определяемого рождаемостью и смертностью, а также миграциями) населения Центрального Черноземья на основе детального анализа широкого круга архивных источников по демографической статистике, а также рассмотрения особенностей рождаемости и смертности в районах компактного проживания этнических украинцев в ЦЧО.

Благодарности

Авторы благодарят уважаемого Марка Таугера (Mark B. Tauger, PhD, associate professor, De-

partment of History, West Virginia University) за помощь в получении редких научных изданий.

Литература

1. Кондрашин, В. В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.) / В. В. Кондрашин. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 350 с.
2. Андреев, Е. М. Население Советского Союза, 1922–1991 гг. / Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Д. Харьковская. – М. : Наука, 1993. – 139 с.
3. Кондрашин, В. В. Голод 1932–1933 годов в современной российской и зарубежной историографии: взгляд из России / В. В. Кондрашин // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР ; науч. ред. В. В. Кондрашин. – М. : РОССПЭН, 2011. – С. 8–57.
4. Баранов, Е. Ю. Современная историография демографической истории СССР в 1930-е гг.: тренд дискурса и актуальные проблемы / Е. Ю. Баранов // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 3 (44). – С. 70–79.
5. Казьмина, М. В. Отечественная историография рубежа XX–XXI вв. о голоде 1932–1933 гг. в СССР / М. В. Казьмина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – Т. 2, № 3 (59). – С. 122–125.
6. Кондрашин, В. В. Современная российская историография голода 1932–1933 годов в СССР: к 85-летию общей трагедии народов Советского Союза / В. В. Кондрашин // Веков неспешный ход: проблемы социально-экономической и политической истории России : сборник статей к 70-летию профессора В. Н. Никулина. – Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2018. – С. 307–318.
7. Кондрашин, В. В. Региональные и национальные особенности голода в СССР в 1932–1933 гг. / В. В. Кондрашин // Труды Института российской истории РАН. – 2019. – № 15. – С. 196–219.
8. Кондрашин, В. В. Методы и исследовательские практики политизации и фальсификации темы голода 1932–1933 гг. в СССР, на постсоветском пространстве и в современной западной историографии / В. В. Кондрашин // История современности: информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом : доклады Международной научно-практической конференции. – М. : Изд-во РГГУ, 2019. – С. 232–241.
9. Осокина, Е. А. Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) / Е. А. Осокина // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 18–26.
10. Население России в XX веке : в 3 т. / отв. ред. Ю. А. Поляков. – Т. 1. – М. : Росспэн, 2000. – 463 с.
11. Ивницкий, Н. А. Голод 1932–1933 годов

- в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центральнo-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал / Н. А. Ивницкий. – М. : Собрание, 2009. – 288 с.
12. Нефедов, С. А. Демографическая динамика СССР в 1930-х годах / С. А. Нефедов // Экономическая политика. – 2012. – № 5. – С. 56–69.
13. Нефедов, С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации / С. А. Нефедов. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – 283 с.
14. Нефедов, С. А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах / С. А. Нефедов. – М. : Дело, 2017. – 432 с.
15. Кондрашин, В. В. Голод 1932–1933 годов – общая трагедия народов СССР / В. В. Кондрашин // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2009. – № 11 (15). – С. 117–120.
16. Кондрашин, В. В. Голод 1932–1933 гг. в Российской Федерации (РСФСР) / В. В. Кондрашин // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2010. – № 1. – С. 6–20.
17. Кондрашин, В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни / В. В. Кондрашин. – М. : РОССПЭН, 2008. – 519 с.
18. Кондрашин, В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. – 2-е изд., доп. и перераб. / В. В. Кондрашин. – М. : РОССПЭН, 2018. – 566 с.
19. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 107.
20. Жиромская, В. Б. Голод 1932–1933 годов в России и современные международные отношения / В. Б. Жиромская // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2009. – № 14. – С. 92–101.
21. Жиромская, В. Б. Голод 1932–1933 гг.: людские потери / В. Б. Жиромская // Голод в СССР. 1929–1934 : в 3 т. – Т. 3: Лето 1933–1934. – М. : МФД, 2013. – С. 651–662.
22. Высотина, Е. А. Социально-демографическое развитие Центрального Черноземья в 1920–1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Высотина. – Воронеж, 2007. – 24 с.
23. Жуков, Д. С. Факторы демографических процессов в российском аграрном обществе второй половины XIX – конца XX в. (на материалах Тамбовского региона) / Д. С. Жуков, В. В. Канищев, С. К. Лямин // Историческая информатика. – 2020. – № 3. – С. 89–102.
24. Davies, R. W. The years of hunger: Soviet agriculture, 1931–1933 / R. W. Davies, S. G. Wheatcroft // Registered excess deaths by regions, 1932–1933. – URL: <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/hunger>. (дата обращения: 06.08.2022).
25. Дэвис, Р. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933 / Р. Дэвис, С. Уиткрофт. – М. : Росспэн, 2011. – 543 с.
26. Уиткрофт, С. Показатели демографического кризиса в период голода / С. Уиткрофт // Голод в СССР. 1929–1934 : в 3 т. – Т. 3: Лето 1933–1934. – М. : МФД, 2013. – С. 719–771.
27. Брызгунов, Ю. Голод 1930-х років у Центральному Чорнозем'ї та на Кубані: антиукраїнське спрямування / Ю. Брызгунов // Три голодомори в Україні в XX ст.: погляд із сьогодення : матеріали міжнародної наукової конференції. – К. : Українська Видавнича Спілка, 2003. – С. 126–140.
28. Бубликов, В. В. Формирование этнического состава населения Белгородской области (часть первая: XIX век – середина XX столетия) / В. В. Бубликов, В. В. Маркова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2014. – № 2 (173). – С. 49–59.
29. Бубликов, В. В. Причины и последствия «этнической революции» 1930-х гг. на Белгородчине (ч. II) / В. В. Бубликов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2017. – № 10 (259). – С. 31–40.
30. Бубликов, В. В. Причины и последствия «этнической революции» 1930-х гг. на Белгородчине (ч. I) / В. В. Бубликов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2016. – № 24 (245). – С. 38–46.
31. Кульчицкий, С. В. Ще раз до питання про демографічні наслідки голоду 1932–1933 рр. в Україні / С. В. Кульчицкий // Український історичний журнал. – 1995. – № 5. – С. 137–140.
32. Levchuk, N. Regional 1932–1933 famine losses: a comparative analysis of Ukraine and Russia / N. Levchuk, O. Wolowyna, O. Rudnytskyi, A. Kovbasiuk, N. Kulyk // Nationalities Papers. – 2020. – P. 1–21.
33. Назаренко, Н. Н. Региональные особенности рождаемости и смертности населения Нижнего Поволжья в период голода 1932–1933 годов / Н. Н. Назаренко, А. В. Башкин // Самарский научный вестник. – 2021. – Т. 10, № 2. – С. 189–199.
34. Загоровский, П. В. Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х годов / П. В. Загоровский. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 1998. – 132 с. – URL: <http://iatp.vspu.ac.ru/itog2001/kraevedenie/golod.htm> (дата обращения 06.08.2022).
35. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 20. – Д. 41.
36. Дроздов, К. С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье: 1923–1933 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2010. – 30 с.
37. Дроздов, К. С. Голод 1933 года в южных украинизированных районах Центрально-Черноземной области РСФСР / К. С. Дроздов // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР ; науч. ред. В. В. Кондрашин. – М. : РОССПЭН, 2011. – С. 282–338.

38. Wheatcroft, S. G. Mapping crude death rates in Ukraine in 1933 and explaining the raion patterns / S. G. Wheatcroft, A. Garnaut, I. Leikin // Голод в Україні у першій половині ХХ століття: причини та наслідки (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947) : матеріали міжнародної наукової конференції. – Київ, 2013. – С. 219–226.

39. Жигульский, А. В. Опыт взаимодействия власти и общества в условиях голода 1932–1933 гг. (на примере Тамбовской области) / А. В. Жигульский // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 23, № 174 – С. 181–190.

Назаренко Назар Николаевич – доктор биологических наук, доцент, профессор кафедры химии, экологии и методики обучения химии, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск), e-mail: nnazarenko@hotmail.com. ORCID: 0000-0002-2425-3649

Коршунова Надежда Владимировна – доктор исторических наук, декан исторического факультета, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск), e-mail: korshunovanv@cspu.ru. ORCID: 0000-0002-4648-0893

Башкин Анатолий Викторович – координатор, Проект «Исторические материалы» (Москва), e-mail: lost_empire@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1086-8690

Поступила в редакцию 9 февраля 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230206

DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE CENTRAL CHERNOZEM REGION OF RUSSIA DURING THE FAMINE OF 1932–1933: HISTORIOGRAPHY ANALYSIS

N. N. Nazarenko¹, N. V. Korshunova¹, A. V. Bashkin²

¹*South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation*

²*Project «Historical materials», Moscow, Russian Federation*

The paper presents the results of a historiographical analysis of the demographic processes in the Central Chernozem region of the Soviet Union during the famine of 1932–1933. This subject was chosen because the demographic processes that took place in this territory at that time are of particular interest, since it was one of the principal grain-producing regions of Russia, which in modern Russian historiography are considered one of the most strongly affected by the famine.

Scientific study of this topic began in the post-Soviet period, as this topic was taboo for many years. The problems of demography and famine of the 1930s in the Central Chernozem region have been considered both in Russian and regional fact-based studies by Russian researchers.

Papers by foreign researchers – primarily American, Ukrainian and Ukrainian-American – are also considered. We found that different methods were used to calculate the number of people who were starved or died of hunger, birth rate, and mortality, but they primarily used tentative prognoses data and summary reports, the results of which do not always coincide and raise questions. The papers of Ukrainian historians are quite difficult to analyze, as they are abound in value judgments that do not conform to scientific ethics, or they use somewhat incorrect demographic models.

It has been ascertained that the demography of the famine of 1932–1933 in the Central Chernozem region is examined through initial approximation and only at the level of large administrative territorial units; the geography of the famine has discrepancies and has not yet been fully clarified. Urban and rural birth rate, mortality, and natural population increase have not been considered in detail, while the ethnic component of the famine of the Russian Central Chernozem region is extremely politicized and also not yet fully clarified.

Keywords: famine 1932–1933, birth rate, mortality, vital rate statistics, dynamics of demographic indicators, demographic losses, Central Chernozem region.

References

1. Kondrashin V.V. Khlebozagotovitel'naya politika v gody pervoy pyatiletki i ee rezul'taty (1929–1933 gg.) [Grain Procurement Policy During the First Five-Year Plan and Its Results (1929–1933)]. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. 350 s.
2. Andreev E.M., Darsky L.E., Khar'kova T.L. Naselenie Sovetskogo Soyuz, 1922–1991 gg. [Population of the Soviet Union: 1922–1991]. M.: Nauka, 1993. 139 s.
3. Kondrashin V.V. Golod 1932–1933 godov v sovremennoy rossiyskoy i zarubezhnoy istoriografii: vzglyad iz Rossii [The Famine of 1932–1933 in Modern Russian and Foreign Historiography: A View from Russia] // *Sovremennaya rossiysko-ukrainskaya istoriografiya goloda 1932–1933 gg. v SSSR*; nauch. red. V.V. Kondrashin. M.: ROSSPEN, 2011. S. 8–57.
4. Baranov E.Y. Sovremennaya istoriografiya demograficheskoy istorii SSSR v 1930-e gg.: trend diskursa i aktual'nye problemy [Modern Historiography of the Demographic History of the USSR in the 1930s: discourse trends and topical problems] // *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. 2014. № 3 (44). S. 70–79.
5. Kazmina M.V. Otechestvennaya istoriografiya rubezha XX–XXI vv. o golode 1932–1933 gg. v SSSR [Russian Historiography of the Turn of 20th–21st Centuries on the 1932–1933 Famine in the USSR] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. Vol. 2, № 3 (59). S. 122–125.
6. Kondrashin V.V. Sovremennaya rossiyskaya istoriografiya goloda 1932–1933 godov v SSSR: k 85-letiyu obshchey tragedii narodov Sovetskogo Soyuz [Modern Russian Historiography of the Famine of 1932–1933 in the USSR: the 85th Anniversary of the Common Tragedy of the Peoples of the Soviet Union] // *Vekov nespeshnyj hod: problemy social'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rossii: sbornik statej k 70-letiyu professora V.N. Nikulina*. Kaliningrad: Baltiyskiy federal'nyy universitet imeni Immanuila Kanta, 2018. S. 307–318.
7. Kondrashin V.V. Regional'nye i natsional'nye osobennosti goloda v SSSR v 1932–1933 gg. [Regional and National Characteristics of the Famine in the USSR in 1932–1933] // *Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN*. 2019. № 15. S. 196–219.
8. Kondrashin V.V. Metody i issledovatel'skie praktiki politizatsii i fal'sifikatsii temy goloda 1932–1933 gg. v SSSR, na postsovetskom prostranstve i v sovremennoy zapadnoy istoriografii [Methods and Research Practices of the Politization and Falsification of the Theme of the 1932–1933 Famine in the USSR in the Post-Soviet Space and in the Modern Western Historiography] // *Istoriya sovremennosti: informatsionnye resursy, metody i issledovatel'skie praktiki v Rossii i za rubezhom: doklady Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. M.: Izd. RGGU, 2019. S. 232–241.
9. Osokina E.A. Zhertvy goloda 1933 goda: skol'ko ikh? (Analiz demograficheskoy statistiki TsGANKh SSSR) [Victims of the Famine of 1933: How Many are There? (Analysis of Demographic Statistics of the CGANH USSR)] // *Istoriya SSSR*. 1991. № 5. S. 18–26.
10. Naselenie Rossii v XX veke [The population of Russia in the 20th century]: v 3 t.; otv. red. Y.A. Polyakov. T. 1. M.: Rosspen, 2000. 463 s.
11. Ivnitkiy N.A. Golod 1932–1933 godov v SSSR: Ukraina, Kazakhstan, Severnyy Kavkaz, Povolzh'e, Tsentral'no-Chernozemnaya oblast', Zapadnaya Sibir', Ural [Famine of 1932–1933 in the USSR: Ukraine, Kazakhstan, North Caucasus, Volga region, Central-Chernozem oblast, Western Siberia, Ural]. M.: Sobranie, 2009. 288 s.
12. Nefedov S.A. Demograficheskaya dinamika SSSR v 1930-kh godakh [Demographic Dynamics of the USSR in the 1930s] // *Ekonomicheskaya politika*. 2012. № 5. S. 56–69.
13. Nefedov S.A. Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoj kollektivizatsii [Agrarian and Demographic Results of Stalin's Collectivization]. Tambov: Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2013. 283 s.
14. Nefedov S.A. Uroven' zhizni naseleniya i agrarnoe razvitie Rossii v 1900–1940 godakh [The Standard of Living of the Population and the Agrarian Development of Russia in 1900–1940]. M.: Delo, 2017. 432 s.
15. Kondrashin V.V. Golod 1932–1933 godov – obshchaya tragediya narodov SSSR [Famine 1932–1933 – the Tragedy of the Peoples of the USSR] // *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo*. 2009. № 11 (15). S. 117–120.
16. Kondrashin V.V. Golod 1932–1933 gg. v Rossiyskoy Federatsii (RSFSR) [Famine of 1932–1933 in the Russian Federation (RSFSR)] // *Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskikh issledovanij*. 2010. № 1. S. 6–20.
17. Kondrashin V.V. Golod 1932–1933 godov: tragediya rossiyskoy derevni [Famine of 1932–1933: the Tragedy of the Russian Village]. M.: ROSSPEN, 2008. 519 s.
18. Kondrashin V.V. Golod 1932–1933 godov: tragediya rossiyskoy derevni [Famine of 1932–1933: the Tragedy of the Russian Village]. 2-e izd., dop. i pererab. M.: ROSSPEN, 2018. 566 s.
19. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE) [Russian State Archive of Economics (RSAE)]. F. 1562. O. 329. D. 107.

20. Zhiromskaya V.B. Golod 1932–1933 godov v Rossii i sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya [Famine of 1932–1933 in Russia and Contemporary International Relations] // *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2009. № 14. S. 92–101.
21. Zhiromskaya V.B. Golod 1932–1933 gg.: Lyudskie poteri [Famine of 1932–1933: Human Losses] // *Golod v SSSR. 1929–1934: v 3 t. T. 3: Leto 1933–1934. M.: MFD, 2013. S. 651–662.*
22. Vysotina E.A. Sotsial'no-demograficheskoe razvitiye Tsentral'nogo Chernozem'ya v 1920–1930-e gg. [Socio-Demographic Development of the Central Chernozem Region in the 1920s–1930s]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 2007. 24 s.
23. Zhukov D.S., Kanishchev V.V., Lyamin S.K. Faktory demograficheskikh protsessov v rossiyskom agrarnom obshchestve vtoroy poloviny XIX – kontsa XX v. (na materialakh Tambovskogo regiona) [Factors of Demographic Processes in Russian Agrarian Society in the Second Half of the 19th–late 20th Centuries (Tambov Region Data)] // *Istoricheskaya informatika*. 2020. № 3. S. 89–102.
24. Davies R.W., Wheatcroft S.G. The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933. Registered Excess Deaths by Regions, 1932–1933. URL: <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/hunger> (data obrashcheniya: 06.08.2022).
25. Davies R.W., Wheatcroft S.G. The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933. (Rus. Ed.). M.: ROSSPEN, 2011. 543 p.
26. Wheatcroft S.G. Pokazateli demograficheskogo krizisa v period goloda [Indicators of the Demographic Crisis in the Period of Famine] // *Golod v SSSR. 1929–1934: v 3 t. T. 3: Leto 1933–1934. M.: MFD, 2013. S. 719–771.*
27. Brjazgunov J. Golod 1930-h rokov u Central'nomu Chornozem'i' ta na Kubani: antyukrai'ns'ke sprjamuvannya [Famine of the 1930s in the Central Chernozem Region and Kuban': Anti-Ukrainian Direction] // *Try golodomory v Ukraini v XX st.: pogliad iz siogodennia: materialy mizhnarodnoyi naukovoï konferenciyi. K.: Ukrayins'ka Vydavnycha Spilka, 2003. S. 126–140.*
28. Bublikov V.V., Markova V.V. Formirovaniye etnicheskogo sostava naseleniya belgorodskoy oblasti (chast' pervaya: XIX vek – seredina XX stoletiya) [Formation of the Ethnic Composition of Belgorod Region (Part One: 19th Century – Mid 20th Century)] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2014. № 2 (173). S. 49–59.
29. Bublikov V.V. Prichiny i posledstviya «etnicheskoy revolyutsii» 1930-kh gg. na Belgorodchine (chast' II) [Causes And Consequences Of «Ethnic Revolution» in the 1930s in Belgorod Region (Part II)] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2017. № 10 (259). S. 31–40.
30. Bublikov V.V. Prichiny i posledstviya «etnicheskoy revolyutsii» 1930-kh gg. na Belgorodchine (chast' I) [Causes And Consequences Of «Ethnic Revolution» 1930s in Belgorod Region (Part I)] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2016. № 24 (245). S. 38–46.
31. Kul'chyc'kyy S.V. Eshche raz do pytannia pro demografichni naslidky golodu 1932–1933 gg. v Ukraini [Once Again, to the Question of the Demographic Consequences of the Famine of 1932–1933 in Ukraine] // *Ukrayins'kyy istorychnyy zhurnal*. 1995. № 5. S. 137–140.
32. Levchuk N., Wolowyna O., Rudnytskyi O., Kovbasiuk A., Kulyk N. Regional 1932–1933 Famine Losses: a Comparative Analysis of Ukraine and Russia // *Nationalities Papers*. 2020. P. 1–21.
33. Nazarenko N.N., Bashkin A.V. Regional'nye osobennosti rozhdaemosti i smertnosti naseleniya Nizhnego Povolzh'ya v period goloda 1932–1933 godov [Regional Features of Birth Rate and Mortality in the Lower Volga Region in the Famine of 1932–1933s] // *Samarskiy nauchnyy vestnik*. 2021. T. 10, № 2. C. 189–199.
34. Zagorovskiy P.V. Sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya goloda v Tsentral'nom Chernozem'e v pervoy polovine 1930-kh godov [Socio-economic Consequences of Famine in the Central Chernozem Region in the First Half of the 1930s]. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 1998. 132 s. URL: <http://iatp.vspu.ac.ru/itog2001/kraevedenie/golod.htm> (data obrashcheniya: 06.08.2022).
35. RGAE [RSAE]. F. 1562. O. 20. D. 41.
36. Drozdov K.S. Gosudarstvennoe regulirovaniye rusko-ukrainskikh natsional'nykh otnosheniy v Tsentral'nom Chernozem'e: 1923–1933 gg. [State Regulation of Russian-Ukrainian National Relations in the Central Chernozem Region: 1923–1933]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2010. 30 s.
37. Drozdov K.S. Golod 1933 goda v yuzhnykh ukrainizirovannykh rayonakh Tsentral'no-Chernozemnoy oblasti RSFSR [Famine of 1933 in the Southern Ukrainized Areas of the Central Chernozem Region of the RSFSR] // *Sovremennaya rossiysko-ukrainskaya istoriografiya goloda 1932–1933 gg. v SSSR; nauch. red. V. V. Kondrashin. M.: ROSSPEN, 2011. S. 282–338.*
38. Wheatcroft S.G., Garnaut A., Leikin I. Mapping crude death rates in Ukraine in 1933 and explaining the regional patterns // *Golod v Ukraini u pershiy poloviny XX stolittia: prychyny ta naslidky (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): materialy mizhnarodnoyi naukovoï konferenciyi. K., 2013. S. 219–226.*

39. Zhigul'skiy A.V. Opyt vzaimodeystviya vlasti i obshchestva v usloviyakh goloda 1932–1933 gg. (na primere Tambovskoy oblasti) [The State-Society Interaction Through the Famine of 1932–1933 (the Tambov Region)] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. 2018. T. 23, № 174. S. 181–190.

Nazar N. Nazarenko – D. Sc. (Biology), Associate Professor, Professor of the Chair of Chemistry, Ecology and Chemistry methodology, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk), e-mail: nnazarenko@hotmail.com

Nadezhda V. Korshunova – D. Sc. (History), Dean of the Faculty of History, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk), e-mail: korshunovanv@cspu.ru

Anatoliy V. Bashkin – coordinator, Project «Historical materials» (Moscow), e-mail: lost_empire@mail.ru

Received February 9, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Назаренко, Н. Н. Демографические процессы в Центральном Черноземье России в период голода 1932–1933 гг.: историография вопроса / Н. Н. Назаренко, Н. В. Коршунова, А. В. Башкин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 47–56. DOI: 10.14529/ssh230206

FOR CITATION

Nazarenko N. N., Korshunova N. V., Bashkin A. V. Demographic Processes in the Central Chernozem Region of Russia during the Famine of 1932–1933: Historiography Analysis. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 47–56. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230206
